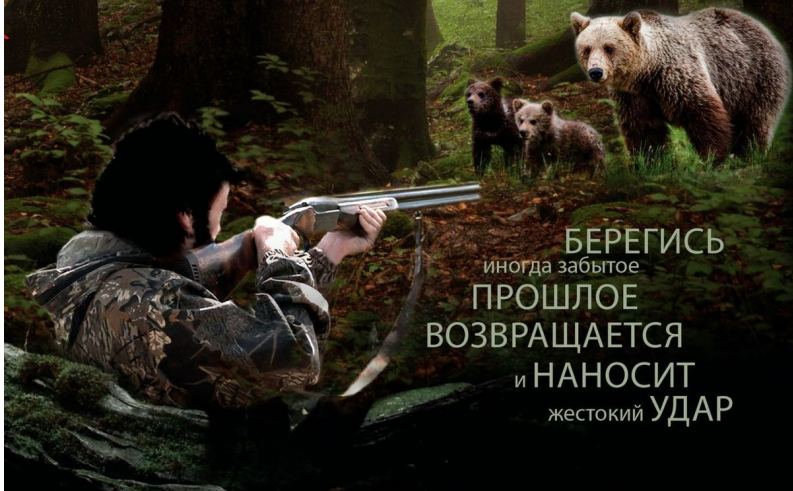

Валерий Костюк

Усадьба

остросюжетный роман в стихах

БЕРЕГИСЬ
иногда забытое
ПРОШЛОЕ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
и НАНОСИТ
жестокий УДАР

Валерий Костюк
Усафар. Остросюжетный
роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412135

ISBN 9785449036155

Аннотация

Таинственная, полная драматизма и загадочных происшествий история, поведанная Степаном, рыбаком с таёжной реки Усы края Коми, об алчном охотнике Федоте Акимове, который, польстившись на щедрое вознаграждение, добывает для неизвестного заказчика двух медвежат. Ужасная «месть» медведицы, потерявшей своих малышей, ломает и круто изменяет всю его жизнь и судьбы близких ему людей. Проходит двадцать лет после трагических событий, но далёкое прошлое не хочет отпускать его и через долгие годы.

Содержание

Часть первая	5
Пролог. На реке Усе	5
Глава I. Таинственный поселенец	10
Глава II. Неприветливый сосед	15
Глава III. Закаты болот Усафар	18
Глава IV. Свадьба Марьяны	22
Глава V. Рождение сына	28
Глава VI. Сказы знахарки Варвары	32
Глава VII. Хромой гость	41
Глава VIII. В поисках берлоги	47
Глава IX. Буран	51
Глава X. Роковая охота	56
Глава XI. Неожиданное нападение	63
Глава XII. Похищение ребёнка	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Усафар

Остросюжетный роман в стихах

Валерий Костюк

*Две вещи наполняют душу всё
новым и нарастающим удивлением
и благославлением, чем чаще, чем продолжительнее
мы размышляем о них, – звёздное небо надо мной
и моральный закон во мне.*

Философ Иммануил Кант

*Вот я и на УСИНСКОМ БОЛОТЕ,
это не болото, а чудовище.
Болотовед Ярослав Гетманов*

© Валерий Костюк, 2019

ISBN 978-5-4490-3615-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог. На реке Усе

Скользили чайки над водою
С моторкой нашей вперегон
И пел мотор, не зная сбая, —
Застывшей ноты гулкий звон.

Качая лёгкими телами,
Как будто души тёмных вод,
Нёс ветерок легко над нами
Пернатый, парусный народ.

Упруго выгнув, птиц качает
Волной воздушной за бортом
И резкий крик пролётных чаек
Мне эхом чудился потом.

Шли отраженьем за бортами
Стволы белеющих берёз,
Толпясь нестройными рядами,
Как свитки древние берёст.

И думал я, прикрывши веки,

Чуть убаюканный рекой:
«Как плавны северные реки
И как задумчив их покой.

Казалось бы, совсем недавно
Ползли холодной лавой льды.
Темнея, таяли исправно
В глуби чернеющей воды.

Светлели реки так неспешно,
Неся настой весенних вод,
Что по стремнинам тьмы крошечной
Кружили полуталый лёд.

Несло по рекам глухумани
Тот запах свежести снегов,
Что опьянив, призывно манит
В затоны дальних берегов.

А ныне – лето воды сносит
Ночами белыми во мгле.
Дым паровозный, словно проседь
Ложится прядями к земле.

Тумана дымка невесома,
Муаром рябь пошла в развод
И наплывает полусонно
Реки дремавшей поворот.» —

Так размышлял, пlying рекою,
И холку скользкую волны
Я за бортом трепал рукою,
А за кормой шли буруны.

Плывёт рекой вдали сохатый
И вдруг – медвежий рёв трубой.
На косогоре, как опята
Избушки выросли гурьбой.

А там, недалеко от селенья,
Звон серебристый над Усой:
Где пробегал ручей Олений
Дом над рекой стоял большой.

Скосился, выбитый дождями,
Сработанный добротнo сруб.
Дверной косяк рыжел гвоздями,

Забыв тепло касанья рук.

Тот дом давно я заприметил,
Здесь проплывая не впервой,
Но на вопрос мне не ответил
Мой капитан, как тень смурной.

Был, как Харон,* он малословен
И не любил пространных слов.
Нередко был к раздумьям склонен.
Порой – излишне был суров.

Он правил лодкою моторной,
В безмолвьи коротая час.
Считал достоинством, бесспорно,
Молчанья вечного запас.

В тот день особо отмечал я,
Что был не в духе наш моряк,
Коль уж решился клад молчанья
Сменять на мятый мой трояк.

Взбодрился вмиг внезапно Стёпа,
Волною окатив причал,
И, торопясь, в село потопал,
Невнятно что-то прокричав.

Вернулся в духе он приметном,
Дымя крепчайшим табаком,

А по глазам одно заметно:
«Теперь спроси-ка хоть о ком!»

Клубистым дымом папиросы
Тут затянувшись пару раз,
И, вмиг припомнив все расспросы,
Повёл неспешно свой рассказ:

Харон* – в греческой мифологии —
лодочник в царстве Аида

Глава I. Таинственный поселенец

«Жил в доме, нынче – захудалом,
Давным-давно кривой Федот.
Не вспомню, как о добром малом.
Скорей, скажу наоборот.

Был крепок непомерной силой —
Косая сажень жмёт в плечах.
Земля едва его носила,
Послав на свет в недобрый час.

Федот не стар, не молод – тоже.
Замечу тут не для словца:
Пугал любого из прохожих
Ужасный шрам на пол-лица.

Зарубкой страшною отмечен,
Едва ли видел левый глаз,
Лишь облик придавал зловещий,
Когда в упор глядел на вас.

Тогда, лет двадцать одинокий,
Жизнь коротая сам на сам,
Суровый нрав, подчас жестокий,

Скрывал он чаще по лесам.

Любил он только пса Батыя,
К нему лишь не питая зла:
Однажды, в годы молодые,
Мать-сука жизнь ему спасла.

Расчётлив был Федот Акимов,
Тем чувства «сильные» питал,
Не пропуская случай мимо,
Когда блеснёт рублём металл.

Себя всегда считал он правым,
То не сочтя за тяжкий труд,
И наделён тяжёлым нравом —
Заносчив был, безмерно крут.

Не знал никто, одни лишь толки, —
Откуда пришлый был Федот.
Синея на груди, наколки
Не проясняли оборот:

О бурной жизни подмечали
Смесь якорей и купола.
Пожалуй, – более печали
Ему судьба приподнесла.

Он поселился в старой бане
На южном склоне у села

И, как намечено заранее,
Работа жаркая пошла:

Он не делился, правда, с нами,
Но знал я, думаю, ответ:
Был дом мечтой, что долго снами
За ним скиталась столько лет.

Сосною свежей стены пахли.
Едва шурша, сжимался мох, —
На белый ягель, вместо пакли,
Ложились брёвна там «в замок».

Так – годовым кольцом широким
Ложились брёвна внутрь бочком
И вот – в намеченные сроки
Белел здесь сруб под новый дом.

Затем, лукавить тут не стану,
Тем, скажем, – честь ему в помин:
Федот по собственному плану
Сложил занятно печь-камин.

Он крышу крыл смолистым тёсом.
Навес приладил над крыльцом,
А на коньке с фрегатным носом
Фигуру вымудрил резцом.

Пришлось и поспешить немного

В преддверьи первых холодов.
Зима стояла у порога,
Но дом – почти уже готов.

Глава II. Неприветливый сосед

Федот не жаловал соседей.
Не скажет лишнего словца —
Не зная отчества, от Феди
Сам не узнал бы про отца.

Стал шоферить на старой АМО*:
Шофёра труд всегда в чести,
Да был завистлив и упрям он —
Не становись тут на пути!

И коли что ему по нраву,
То можно здесь не размышлять:
Считал, что лучшее – по праву
Ему придётся лишь под стать.

Здесь, так сказать, тяжёлый случай,
Но если что «попало в глаз», —
Федот себе достанет лучше
Или... сосед своё продаст.

Будь он душой чуток пошире —
Быть первым парнем на селе.
Ведь жить с людьми, с собою в мире,
Куда на свете веселей.

Тому и Север наш порука
И ночь бела, как свет в пути,
Чтоб всякий мог войти без стука
И каждый мог себя найти.

Открыты Севера просторы,
Как дверь охотничьей избы.
Запас тепла да соль и порох
В нужде всегда найдёте вы.

На деле он – добрейший малый.
Наш Север с виду лишь суров.
Недуги тёмных душ усталых
Излечит лучше докторов.

Случайно оступился, может?
Был малодушен и несмел?
Тому в беде всегда поможет,
Лишь только б сам того хотел.

Но тот, кто с сердцем росомахи
Себя лишь знает одного —
Дела его, скажу, не ахти
И вреден Север для него.

Был и Федот того ж замеса
И под себя лишь вёл расклад.
В себе кормил он верно беса —
Был лишь своим удачам рад.

Шло время, мало что меняя,
Как волн пологих череда.
Высокий берег омывая,
Спешила к западу вода.

Со старшею сестрой Печорой
Уса, на встречу торопясь,
Несла волну кружалью скорой,
В разводах красочную вязь...»

АМО* – первый советский автомобиль

Глава III. Закаты болот Усафар

Степан смолкал, шурша кисетом,
Я же томить не стану вас
И пару слов скажу при этом,
Раскрасив сдержанный рассказ.

Так – впечатлений малость личных,
Заметок в тему на пути,
Надеюсь, не совсем излишних,
Рискну я вам преподнести:

Закаты здесь – особый случай,
Уж коли к слову довелось, —
Нигде ещё не видел лучше,
Где побывать и мне пришлось.

А побывал я в разных странах
Да и родился не вчера.
Встречал рассветы утром рано
И провожал я вечера.

Но время зря своё не тратя,
Разгадку слов ища моих,
Послушай, что хочу сказать я,
Пожалуй, лучше сам о них:

Пора вечерняя... Смеркало...
Осело солнце вниз и вот —
По небу краски расплескало
Сквозь призму сырости болот.

Представь, – как бы... сиянье Север
В июньском небе высоко
Туманом радужным рассеял
На лёгких перьях облаков

И все иные краски сникли,
А в небе тают здесь пока
Лишь жёлто-розовые блики
В зеленоватых облаках.

Густеют сумерки, наверно,
И стала явной зелень туч.
Герой романа Жюль Верна*
Искал такой зелёный луч.

Увязло солнце аж по пояс
В багряный клюквенный кисель;
Едва за лесом чуть укроясь,
С утра на небе, как досель.

Здесь на десятки километров
Туман болотный, словно пар,
Сдувают утренние ветры
С болот бескрайних – Усафар.**

Живи не ведая печали, —
Когда б не гнус да комарьё
В грибную пору докучали,
Здесь летом рай, а не житьё!

Под вечер время вдруг такое:
Приходит час совсем иной,
Что никого не беспокоя,
Звон комаров висит стеной.

На фоне розовом, закатном,
Пока диск солнца не исчез,
Свершают танец свой обрядный,
Столпившись, тучки вампиресс.

В такую пору парни, девки,
Ну словом, – собирались все
Под вечерок на посиделки
На бережок к реке Усе,

Где на воде неторопливо
Закат качается хмельной
И где гармони переливы
Плывут, играя тишиной.

Так шло нешумное веселье,
Порой до утренней росы,
Когда туман в низинах стелют

Рассвета ранние часы.

Роман Жюль Верна* – «Зелёный луч»
Усафар** – такое название
Усинского болота я случайно
обнаружил на одной старой
геодезической карте

Глава IV. Свадьба Марьяны

Был и Федот охотник тоже
По зорьку время коротать
В кругу девиц, собой пригожих, —
Чтоб были те ему под стать.

Но лишь одна была особа,
Над ним имея сердца власть,
Его душевная зазноба —
Она Марьяною звалась.

Сказать по правде, так Марьяну
Прельщал не очень то Федот.
Коль весел был – то, верно, спьяну,
А чаще – всё наоборот.

Рождён Федот не бестолковым,
Был крепче стали он зубил —
Раз приглядел он Бажукову,
То, как участок застолбил.

Был наделён медвежьей силой —
Бил в драке сходу наповал
И так нередко выходило,
Что сам на сам троих бивал.

Два года знал он лишь заботу —
Всех ухажоров гнать гурьбой.
Отбил бока им и охоту,
Оставив Марью за собой.

Проходят годы – ей за двадцать.
Марьяна всё ж решила так:
«Не в девках мне же оставаться?
И парень, видно, не дурак.»

Под осень свадьбу стоворили,
На бабье лето подгадав.
Пекли, солили и варили
Под ароматы пряных трав.

Так, не скупясь в своих расходах,
Чтоб удивить весь здешний мир
И тему дать всем местным «одам»,
Решил Федот устроить пир.

Да – он завистлив, но не жаден.
И это сказано к тому,
Что не останется в накладе,
Коль позавидуют ему.

Летел напев, дивясь раздолью.
В просторах музыку несло.
Собралось к званому застолью
Едва ль не целое село.

Нет, не скажу, что Бабье лето
Совсем диковинное здесь
И что особая примета,
Во всём отличная, в нём есть.

Пожалуй – только акварели
Тайги осенней на просвет
Богаче красками горели,
Как яркий в зелени букет.

Ещё, быть может, дуновенье
Осенних ветров чуть свежей, —
Уже намечено вторженье
Холодных, затяжных дождей.

Но есть и главное отличие,
Пора прощанья чем мила, —
Южанам было б непривычно
Ждать восемь месяцев тепла.

Вернулось лето ненадолго,
Подзадержавшись до поры,
И время здесь проводят с толком —
Накрыты празднично столы.

Под солнцем, прямо на пригорке,
Столы белеют стройно в ряд
И угощений сочных горки

Гостей забористо бодрят.

Снедь из таёжных разносолов:
В судках – семужная икра
И грузди, прямо из рассола,
С лучком и маслом на столах.

Вот – после лёгкого просола,
Всего лишь в несколько часов,
Почти прозрачно-невесомый
К столу был хариус готов.

Пикантного посола коми
Краснеет сёмга... за душок.
Гурманам местным – смак, а кроме,
Кто не привык, – внушает шок.

А мне, скажу, она по вкусу:
Ведь без привычки, до поры,
Кому – воняет только уксус,
Кому-то – лучшие сыры.

С картошкой шаньги и с грибами,
Брусничный свадебный пирог —
Растают мягко под зубами
Под славный чаговый чаёк.

Графины с клюквенной настойкой
Потеют от тепла давно,

А для девиц, к питью нестойких,
Есть земляничное вино.

Уха молочная не стынет
На жарких угольках костра.
Исчезнет – не было в помине,
Вкусна, душиста, чуть остра.

Парит лосиное жаркое.
Там – глухариный дух котлет.
Тянуло запах над рекою,
Как паутины лёгкой след.

Был день, и впрямь, поярче солнца
В сусальном золоте берёз
И голубого неба донце
Раззолотила Осень—Крѣз!

Веселье шло знакомым ходом,
Привычной свадебной гульбой, —
Гармонь и песни до захода,
Да угощенье – на убой.

Три дня гуляли, пили вволю
Здесь, на окраине села.
Никто не помнил, чтоб дотоле
Такая свадьба тут была.

Затея удалась Федоту,
Немало вызвала похвал,
А если недоволен кто-то —
Сам, верно, ... свадьбу затевал.

Глава V. Рождение сына

Бежали дни вперёд гурьбою
Своим намеченным путём,
А время шло, не зная сбой,
Как след роняя день за днём.

Почти три года миновало
И детский крик ворвался в дом.
Федот обрадован немало,
Частенько думая о том.

Сказать по правде – срок немалый,
Когда об этом речь идёт:
И раздражался он бывало,
И опечален был Федот.

Умами шутки полетели, —
Что мол, не всякий де кузнец,
Когда приходится на деле,
На сеновале молодец.

Был зол Федот. Брала досада.
Известно, что на всяк роток,
Пусть даже это очень надо,
Ты не накинешь свой платок.

Вот, наконец, пришла удача —
Родился сын под Новый Год.
Умолкли бабы, не судачат
И замолчал тотчас народ.

Морозы жгли калёной стужей,
Сквозь дрёму шурился рассвет
И обрывался ночью вьюжной
Коротких дней недолгий свет.

Ночную бездную сменяя
Свет невесомых зимних дней,
Мерцали сполохи Сияний
Гирляндой ёлочных огней —

За тонкой дымкой кроясь где-то,
Где ветер Солнца нёс и нёс
Туман расплавленной кометы
Под мишурою дальних звёзд.

Суровы Севера красоты.
Они поклонников не ждут.
И то сказать – они Федоту
Порядком уж обрыдли тут.

И впрямь ли был он глух душою
Иль холода не по нутру,
Но с неохотою большою
Он просыпался поутру,

Когда в трескучие морозы
Холодный солнечный желток
Едва алел бутоном розы
И расцветал зарёй восток;

Когда под небом тёмно-синим
Снег голубеет, как неон,
Искрит алмазом хрупкий иней,
Свет обрывает зимний сон;

Когда прозрачно розовели
Берёзы шалями снегов,
Морозный пар в низинах стелит...
Всё – мало трогало его.

Характер теща свой строптивый,
Однажды в шутку так скажи:
«Я не люблю вещей красивых,
Коль то – не мне принадлежит».

Имел одну мечту он тайно, —
Она манила, как агат:
«Пускай не скоро, не случайно,
Но буду крепко я богат!»

Федот и раньше браконьерил,
Скрываясь тропами в глуши.
Капканы ставил, бил он зверя

И сёмгу крупную глушил.

Теперь совсем уже без счёта
Федот тайгу дербанить стал.
Неволей сделалась охота,
Но рос заветный капитал.

Всем промышлял, как росوماха,
Поживу чувствуя, Федот
И, верно, там не даст уж маху,
Где был весом его доход.

Не по себе Марьяне было
От этих мужниных забот.
Порою сердце глухо ныло,
Как будто что произойдёт.

Спроси – так просто не ответить,
Что вдруг за тайная печаль?
Какую весть принёс ей ветер,
Покинув Будущего даль?

Глава VI. Сказы знахарки Варвары

Давным-давно, когда-то в детстве,
Любила Марья с детворой
Ходить к старушке по соседству
Вечерней сумрачной порой.

За окнами – метель и стужа,
А в доме печь гудит трубой.
Здесь, у огня, сидели дружно,
Вмиг приутихшею гурьбой.

Вот поведёт рассказ старушка,
Умы ребячьи бередя,

И побегут стеной избушки
Разводы жёлтого огня.

Здесь Коми древние сказанья
Летели полночью в тиши
И слушали, тая дыханье,
Тот сказ о прошлом малыши:

О временах, что шли доселе,
Когда нет неба и земли
И лишь болот бездонных мели
Ковром бескрайним пролегли.

О богах, Омоле и Ене,
Создавших твердь и небосвод,
О ком молвою поколений
Преданья ветхие несёт.

Ещё о Войпеле узнали,
О Боге северных ветров,
Чьи слуги земли укрывали
От непосильных холодов.

Витают старые поверья,
Горячий воздух клонит в сон.
Сквозь дрему чудится за дверью,
Что там таится кто-то!... Он!!!

Быть может домовой Олыся

Сердито ждёт уход гостей
И в темноте сеней таится
Среди развешанных сетей?

А может банный дух, Пивсяна,
Зашёл погрется на часок —
В сенях всё бродит, словно пьяный,
Под скрип разохшихся досок?

Вон кто-то в окна, незнакомый,
Несёт снега наперебой!
Быть может это Вёрса с Йомой,
Сам Леший с Бабою-Ягой?!

К кому-то добр и ласков Вёрса:
Кто чист душой – тому везло,
А кто хитро в доверье втёрся,
Тому и прибыль шла во зло.

Был скуповат тайги хранитель,
Ворчлив и злобен до поры
И не всегда, впустив в обитель,
Он отдавал свои дары.

Но коли взял он на примету,
Что кто-то с мерой не в ладу, —
Захлопнет быстро дверцу эту,
А будут злить – так жди беду.

Федот смеялся всем опаскам:
«Не позабудь-ка только, мать,
Те замечательные сказки
Егорке на ночь рассказать.»

Он лобик целовал ребячий
И прижимал к себе слегка,
И становилась даже мягче
Его шершавая рука.

По-детски сам был рад немало
И не скрывал ничуть того, —
Его ужасно забавляло,
Что сын похож был на него.

Возился он охотно с сыном
С лицом счастливого отца:
Всех умиляла та картина,

Когда он брал качать мальчика.

Под материнскую заботу
Он оставлял бесценный клад
И, убегая на охоту,
С охотой шёл всегда назад.

Та – в колыбель снесёт малютку,
Баюкать станет нараспев.
Подчас он хныкал не на шутку,
Смориться к ночи не успев.

«Спи – умолкни. Засыпай-ка,
Баю-баюшки баю.
Медвежонок спит и зайка.
Колыбельную спою.

За окном стихает вьюга.
Баю-бай, усни малыш.
Тишина, как сон, – ни звука.
Что же, милый, ты не спишь?

Будешь плакать, мой звоночек,
Сам не зная почему, —
Косолапый выйдет к ночи,
Заберёт тебя в тайгу.

Там, в берлоге, нет кровати.
Баю-баюшки баю.

Не уснёшь без мамы, сладкий.
Больше песен не спою.

Если долго будешь плакать,
То проснётся Водяной.
Унесёт с собою Вакуль
В глубину волны речной.

Будет там тебе несладко, —
Нет там солнышка в окне.
Баю-бай, в сырой кровати
Не уснёшь на тёмном дне.

Спи, не хныкай. Засыпай-ка.
В облаках закат затлел.
Прокрадётся Гидня-айка*
И тебя утащит в хлев.

Раз не хочешь спать ты в доме,
Баю-баюшки баю,
Тебе ветры на соломе
Колыбельную споют.

Баю-баю, засыпает
Мой любимый голубок.
Никого, теперь я знаю,
Мы не пустим на порог.»

Едва сморясь, умолк ребёнок

Под колыханье тихих слов
И напослед чихнув спросонок,
Уснул, сопя, счастливым сном.

А на стекле узор мудрёный
Уж режет северный мороз.
Прищуря глаз, сквозь негу дрёмы
Кот глубже в мех укутал нос.

Кружась за прорезью проталин,
Порхает зимний пух лугов, —
Как в невесомости витали
Ледышки розовых снегов.

Ползут багряным, сонным светом
Обрывки солнца по стене,
Как будто заблудилось лето
В холодной, зимней тишине.

Так проблеснёт сквозь воздух стужи
Средь выюг и снежных передраг —
Здесь этот луч холодный служит,
Как лета дальнего маяк.

Гидня-айка* – дух хлева в мифологии коми

Глава VII. Хромой гость

Но зимний день уже кончался.
Растаял в воздухе напев.
Вдруг кто-то тихо постучался
И дверь впустила, заскрипев.

Вот распахнулась дверь проворно.
Влетел, клубясь морозцем, снег.
Тут в дом вошёл, хромая, в чёрном
Ей незнакомый человек.

Лишь только саван снежный, белый
Тулуп овечий покрывал
И ясно было, что по делу,
Но здесь ни разу не бывал.

Он поздоровался чуть слышно,
Спросил: «Не дома ли Федот?»
И не прощаясь, тихо вышел,
Сказав, что вновь еще зайдёт...

Под утро разыгралась выюга.
Снега без устали несло.
Федот, вернувшись, был напуган
Визитом странным на село.

Верней, узнавши от Марьяны,
Что незнакомец был хромой,
Он стал вести расспросы рьяно,
Вмиг потеряв былой покой.

Давно подметила Марьяна
Забавный с виду оборот:
«Поди поверь, что как не странно,...
Хромых боится мой Федот!»

Ему нередко докучала, —
Пытаясь вызнать то хитро.
Всегда с ухмылкой отвечал он,
Мороча женское нутро:

То скажет, что: «Когда-то в детстве,» —
А рассказать он был мастак, —
«Жил с ними в доме по соседству
Хромой уродливый маньяк.»

То, – не моргнув, опять обманет,
С серьёзным, каменным лицом,
Что: «Не украли чуть цыгане,
Когда я был ещё мальцом.»

Или про страх свой безотчётный
Он ведал ей, – что был таков:
«Боятся многие, без счёта, —
Кто – темноты, кто – пауков».

Пытался всякий раз он шуткой
Укрыть невольный свой испуг
И хоть порядком было жутко,
Умел унять дрожанье рук.

Но вновь спокойствие забыто —
Хромает кто-то вдалеке,
Как будто чёртово копыто
В кирзовом пряча сапоге!

Однажды Марья пошутила,
Но вышел в шутке перевес:
«Угрюмый тот, хромо́й детина, —
Не по твою ли душу бес?»

Он, вздрогнул, словно бы от плети
И побледнел как полотно,
Но ничего ей не ответив,
Взглянул рассеянно в окно.

А ночью слышала Марьяна —
Метался муж почти без сна
И всё шептал он, словно спьяну:
«Чёрт, отпусти! Отдам сполна!»

Оставив тему под запретом,
Не вспоминала с давних пор.
Когда б не случай и об этом

Сам не завёл он разговор:

«Скажи, не видела ль приметы —
Под правым глазом шрама след?»
Она помедлила с ответом,
Но отвечала твёрдо: «Нет.»

Повеселел Федот приметно,
Тревог рассеяв кутерьму.
Уснул, как мёртвый, до рассвета
И сны не виделись ему.

За частоколом чёрных елей,
Чуть только утро занялось,
Потолковать о важном деле
Явился в дом вчерашний гость.

Был разговор не слишком долгим.
Для верных и доходных дел
Далёкой и забытой полки
Федот в помине не имел.

Марьяна слышала, но мало,
В делах домашних занята.
Куда сильнее занимала
Дел každодневных суета.

Обрывок фраз был, правда, краток,
Но мыслям дал он верный ход:

«Что ж, по рукам?...» и «Вот – задаток.» —
Такое, кто же не поймёт?

Знать по всему – была тут сделка,
Хоть и неясен сам предмет.
Но показала «Ясно» стрелка,
Раз не сказал никто здесь «Нет».

Федот доволен был по виду —
В любых делах он был горазд
И то сказать – себя в обиду
Уж верно, никому не даст.

Увидев мужа в добром духе,
Расспрос Марьяна повела,
Чтоб уточнить свои же «слухи»:
«Что там за важные дела?»

Федот отнекался сначала,
Да похвалиться сам хотел.
Ему по жизни не встречалось
Ещё таких доходных дел.

Ей рассказал он по секрету:
«И чтобы ни душа, ни-ни!
Смотри, о деле ты об этом
Случайно где-то не сболтни.

Недавний гость пришёл с заказом,

На тему вышел не спеша:
Ему нужны, зачем-то сразу, ...
Два медвежонка-малыша.»

Зачем? – Не спрашивал он просто,
Умея вовремя понять, —
Где меньше лишнего расспроса,
Щедрей монеты там звенят.

Для цирка или зоопарка —
Какая в том ему печаль?
Ему – ни холодно, ни жарко.
Хоть на жаркое – всё не жаль!

Глава VIII. В поисках берлоги

Скажи, – что нет судьбы на свете!
Верстах в десятке, у воды,
Под осень позднюю приметил
Федот медведицы следы.

Тотчас, припомнив этот случай,
Прибавил лихо для словца:
«Чего желать ещё бы лучше?
Зверь сам выходит на ловца!»

Пустился в путь он спозаранку.
Шёл месяц следом втихаря.
С собою новую берданку
Он прихватил на глухаря.

Холодный воздух чист прозрачно,
Да чуть приметно отсырел
И тени лунные враскачку
В тайгу уходят, посерев.

Ещё светало неохотно,
Но март уже был на пути:
Тепло весеннего прихода
Рождалось где-то впереди —

Там, где полудни солнце выше,
Темнеет снега белизна
И где ползут снега по крыше,
Уже готовилась Весна!

Четыре дня искал берлогу,
Ночами греясь у костров,
А ветер искры нёс полого,
Бросая в звёздности миров,

Где, расплескав шагами Млечность,
Медведи звёздные бредут
И, замыкая кругом вечность,
Друг друга вечно не найдут.

Что думал он, глаза в небо?
Какая мысль не знала сна?
А Млечный Путь шёл лыжным следом
И пыль морозная несла.

Сегодня только увенчало
Удачей нудные бега.
Чуть слышно лайка зарычала.
Федот прищикнул: «Фу, Тайга!»

Пар тонкой струйкой поднимало,
Курился царственный сугроб, —
Одно лишь только означала
Примета верная берлог.

Ноздрёю спящего дракона
Парилась узкая дыра
И каждый шаг был здесь рискован,
Но... начата была игра!

Федот подполз, как можно ближе.
Лежал так битых полчаса,
Пока на радость не услышал,
Как пропищали голоса.

Теперь уж знал Федот наверно —
Добудет точно медвежат,
А поступал ли здесь он скверно? —
К тому и мысли не лежат.

Зарубки делал, как заметки,
Он для обратного пути.
Слегка надламывал и ветки,
Чтоб без помех назад прийти.

Глава IX. Буран

Едва лыжнёй скользнули вёрсты,
День как-то враз пошёл на спад:
В потухшем небе краски стёрты
И вихри снежные кружат.

Бурлило небо снежной пеной,
Касаясь тучами земли.
Здесь и зимой, обыкновенно,
Такие вьюги не мели!

Всё завертело в диком скаче
Стеною снежной, как туман.
Пурга звереет, не иначе, —
Перерастёт она в буран!

Не в шутку был Федот напуган:
«Что за невиданный курьёз? —
Чтоб в марте здесь такая вьюга,
Какой же чёрт её принёс?»

И было то ему тревожно,
Что вихрей снежных заворот
Здесь пережить довольно сложно
Среди безлесистых болот.

Случись всё раньше только часом,
Когда лесами шёл Федот,
Не получил бы тут сейчас он
Столь неприятный поворот.

Искал недолго путь к спасенью
Во всём удачливый Федот.
Наметил он без опасенья
Совсем простой и верный ход:

Под полушубком греет тело
Собачье жаркое тепло.
И часа минут не успело —
Обоих снегом занесло.

Буран ревел часа четыре
И пусть «зимовка» недолга,
Да всё ж уютнее в «квартире», —
Где пёсий жар от «очага».

Там, наверху, уже стихало.
На полутоне таял звук,
Как будто взмахом обрывало
Оркестр нестройных, диких выюг.

Федот, пожалуй, час с лихвою,
Казалось, время так идёт,
Под кровлей бился снеговой,
Круша, почти метровый свод.

Ворвался свет, белея солнцем,
Морозной свежестью в приют
Сквозь прорубь снежного оконца
И ослепил на пять минут.

Назад летели, как на крыльях,
Хоть и с трудом пришлось идти:
Снегами свежими накрылись
Все проторённые пути.

Домой Федот пришёл под вечер,
Забылся вмиг усталым сном
И тѣк закат, в бордо расцвечен,
По небу пролитым вином...

Он по утру проснулся поздно.
Бледнел в окне луны излом
И ветер с лёгкостью морозной
Клубы дымов вязал узлом.

Порхал, шутя, снежок летучий.
Ребятчи крики далеки.
Стрелой летели сани с кручи,
В снег зарываясь у реки.

В печи щи суточные* млеют,
Их аромат плывѣт, маня.
Молила Марья: «Ту затею

Оставь, послушай раз меня:

Боюсь, смеёшься ты напрасно,
Дразня таёжный дух лесов!
Нам не всегда бывает ясным
Язык далёких голосов.

Не всё отмечено словами,
Не всё так просто и светло,
Но всё, что происходит с нами,
Каким-то знаком нам дано!»

Тут отмахнулся он досадно,
Как будто тем сказать хотел,
Что мол: «Кончай на том и ладно —
Быть бабе лучше не у дел.»

Он не встречал ещё такую,
Сказать по правде, на пути,
Чьи бы слова напоятую
Его заставили пойти.

Федот не мог уже иначе
В известном деле повернуть.
Да и зачем своей удаче
Он должен вдруг подрезать путь?

Суточные щи* – особый вид щей,
характерный не особенностями

компонентов, а при приготовлением.

Глава X. Роковая охота

Пришла весна путём привычным,
Капелью дружную стуча,
И задрожали трели птичьи
Под звон весеннего ручья.

Щедрей под солнца переливы
Синиц весёлый, тонкий звон
И даже кажется счастливым
Не слишком нежный крик ворон.

Шёл срок весеннего прилёта.
Сходил последний снег на «нет»
И глухариный грозный клёкот
Тревожил сумрачный рассвет.

И словно белые улитки,
Ползли сугробы со двора.
Под вечер, стоя у калитки,
Решил Федот: «Ну что ж, ... пора!»

Зарубки на стволах «читая»,
Нашёл берлогу без труда.
Два дня, не более, пустая
Она стояла здесь тогда.

Следы топтались косолапо —
Шли малыши за мамой вслед,
Качаясь чуть на слабых лапах,
Ушли под утренний рассвет.

И было трогательно-нежным,
Когда случайно, иногда
Ноги огромной след медвежий
Касался детского следа...

Федот по следу шёл бесстрастно
И не сбивался он с пути,
Одно лишь сознавая ясно,
Что далеко им не уйти.

Вела Тайга их след надёжно,
Легко, беззвучно семена,
И было просто невозможно

Их не догнать к исходу дня.

Вот наконец, нашли под вечер
Совсем горячие следы.
Закат по-детски был доверчив,
Их освещая у воды.

Медвежий дух сквозь дух таёжный
Ноздрями жадно пёс искал.
Улыбкой жуткой и тревожной
Дрожал белеющий оскал.

Собака говорила словно:
«Мы их настигнем в два прыжка!»
Легла на голову условно,
Смирив, хозяйская рука.

«Соваться в лес в такое время,
Равно, – что сунуться в капкан
Или с ногой, застрявшей в стремя,
Упасть на радость всем волкам.

Здесь, у излучины пологой,
Вблизи Медвежьего ручья,
Мы подождём утра немного
И поглядим, – возьмёт там чья.

Придут, должно, хочу я верить,
Они сюда на водопой.

Подкараулим нынче зверя.
Тут подождём его с тобой.»

Приполз туман. Едва светало.
Белел сквозь мари солнца свет.
Чуть согревался воздух талый
В холодный, розовый расвет.

Федот застыл, следя сторожко.
Туман спугнула чья-то тень.
К ручью нетоптаной дорожкой
Спустился... северный олень.

К воде склонился осторожно,
Но тут, почуяв что-то вдруг,
Вмиг с быстротою, словно ожив,
Стремглав унёс он свой испуг.

Федот очнулся, заприметя,
И сердце, ёкнув, повело —
Из чащи вышли три медведя,
Едва лишь только рассвело.

Рука в цевьё впилась до боли.
Дыханье вмиг сдержав в груди,
Не слишком был он тут доволен
Неладным чем-то впереди.

Здесь – в двух шагах уже от цели,

Он подавил в себе испуг
И вёл медведицу в прицеле,
Пометив мушкой сердца стук.

Он затаил на миг дыханье
И виноватый вечно рок,
Вмиг разорвал тайги молчанье,
Спустив ружья стальной курок...

Свалилась грузно и без звука
И померещилось, ей-ей,
Как будто кто толкнул под руку
Мохнатой лапою своей!

Враз оглянулся он от страха.
Холодный пот спиной прошёл
И стала влажною рубаха,
Но... никого он не нашёл.

Он подошёл с опаской к зверю.
Лежал, сражённый наповал.
Смотрел, глазам своим не веря:
«Да как я в голову попал?!»

Но не досуг Федоту было:
«Вдруг слышал кто, неровен час?» —
С тревогой думал он уныло:
«Не доведись здесь лишний глаз!»

В мешок засунул и за спину
Забросил лёгких медвежат

И чувствовал дорогой длинной,
Как бедолаги там дрожат.

Глава XI. Неожиданное нападение

Уже в два дня он сбыл медведей,
Свой получив сполна расчёт:
Лишь утром слышали соседи,
Как удалялся вертолёт.

«Вот, жаль ещё медвежью шкуру,
Что пропадать зазря добру?» —
Решил тут вечером он хмурым
К ручью вернуться поутру.

На этот раз рекою, в лодке,
Он плыл, не взяв с собой ружья.
«Тогда и шкуру за находку,
Коль с кем столкнусь, представлю я.»

Причалил. Лесом да болотом —
Версты четыре от реки.
Своя на то была охота —
Шагать по топям напрямки.

Заметив издали пропажу,
Был зол расчётливый Федот
И от досады крякнул даже:
«Не дремлет дошлый наш народ!»

Но, подойдя поближе малость,
Был неприятно удивлён:
«Лишь крови лужица осталась.
Исчез, как будто... ожил он!?»

Да-а-а, было вовсе не похоже,
Что кто-то был незванный здесь.
Ползли, свербя, мурашки кожей,
Сбивая вмиг с Федота спесь.

– «Должно быть, оглушило зверя
Оголодавшего зимой,
Ударив вскользь покатый череп
Свинцовой пулей боевой». —

И вдруг почудилось внезапно,
Что... шевельнулся лес едва!
Чуть покачнулись елей лапы,
Шепталась жухлая трава.

Казалось – кто-то неприметно
Следил за ним со всех сторон
И тени таяли рассветно
Под крик испуганных ворон!

Был он не робкого десятка,
Хоть не привык лезть на рожон.
«Дай бог, чтоб всё сошло мне гладко». —
Похолодев, подумал он.

Он шёл, пугаясь каждой ели,
Боясь легко попасть впросак,
А мысли тишиной звенели —
Последним стать мог каждый шаг.

Вдруг разорвался по-над бором
Над самым ухом жуткий рёв,
Как будто петь собрался хором
Десяток бешеных коров!

И в тот же миг, вцепившись, сжала
Тайга медвежий жёсткий зад

И на секунду задержала,
Чуть зверя осадив назад.

Федот уже простился с миром —
Он стал бледнее мертвеца
И просвистела, как секира,
Медвежья лапа у лица.

Кровь потекла волной солёной
Через края глубоких ран,
А на губах слипались стоны,
Переходя неволью в брань.

Он побежал неровным шагом
Через валежник напрямик,
А следом, лесом да оврагом, —
Собачий лай, медвежий рык...

Скатился к лодке вмиг с обрыва.
Пересчитал ухабы склон
И заревел мотор с надрывом —
Тогда лишь понял, что спасён.

Федот взглянул назад на берег.
Оторопел, смекая вмиг,
Заметив на откосе зверя:
«Едва зверюга не настиг!»

Рёв полетел, гудя трубою,

Раскатным эхом пустоты:

«Должно, увидимся с тобою.

Меня ещё попомнишь ты!»

Глава XII. Похищение ребёнка

Казалась вечностью дорога —
Федот был, явно, не в себе.
Упал без чувств он у порога,
Лишь подойдя к своей избе.

В бреду метался он неделю,
Уйдя за грань кошмарных снов,
А дни, не двигаясь, летели
Сквозь безотчётный гомон слов.

Лечила знахарка Варвара, —
Знаток целебных диких трав.
Её настойки и отвары
Крепки, как и старухи нрав.

Она владела тайной ядов
И силой трав наперечёт,
И останавливала взглядом
Кровь, что без удержу течёт.

Жила Варвара по соседству
И с незапамятной поры
За сказкой шла Марьяна в детстве
К ней через ближние дворы.

Травой, кореньями, грибами
Пропахла ветхая изба.
Трава развешена снопами,
В углах из лыка короба...

Федоту становилось лучше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.